

«Тут не так, як у Росії» (з подорожніх нотаток молодого В.Вернадського)

Анотація. Мета дослідження – проаналізувати в контексті українознавства історико-краєзнавчі нотатки В.Вернадського, опубліковані вперше І.Мочаловим у 2001 р., акцентувати увагу читачів на виявлених молодим дослідником особливостях етногенезу українського народу, трансформації соціальних, культурних та етнонаціональних стосунків українців і росіян на півдні України у XVIII–XIX ст. **Методологія дослідження** ґрунтується на засобах історичної компаративістики, спирається на принципи історизму, системності, науковості. **Наукова новизна** полягає в новому підтвердженні постійного інтересу В.Вернадського до історії України, українського народу, його мови й культури, прагненні системно та об'єктивно відтворити глибинні історичні процеси. **Висновки.** На прикладі Новомосковського повіту В.Вернадський змальовує широку панораму народного українського життя, докладно аналізує процеси, які відбувалися у середовищі різних груп населення, їх етносоціальні, психологічні, соціально-побутові, етнографічні особливості. Детально розглядає процес «освоєння» російськими поміщиками українських земель, активне «охоплення» переселених російських селян в українському етнічному середовищі. Аналізує вчений і зворотний, більш потужний, такий, що постійно зростає, процес зросійщення українського населення, його соціальні інструменти, джерела, методи. У нотатках В.Вернадського – цінні матеріали для природознавців, етнографів та етнологів, соціальних психологів, соціологів.

Ключові слова: Вернадський, історико-краєзнавчі нотатки, південь України, козацький край, українці, росіяни, асиміляція.

Записки історико-краєзнавчого характеру авторства молодого В.Вернадського – це результат його поїздки в 1884 і 1885 рр. до Новомосковського повіту Катеринославської губернії. Вони унікальні за своїм характером і змістом, їм притаманні глибокі спостереження. Автор подає широку панораму народного українського життя, глибоко аналізує процеси, які відбувалися у середовищі конкретних груп населення: етносоціальні, психологічні, соціально-побутові, етнографічні... У цих записках відображено зміни у житті конкретної місцевості, а на її прикладі – фактично переміни в історії всієї тогочасної підросійської України.

Розповідаючи про подорож Дніпром, якого В.Вернадський називав народно-поетичним епітетом «Дніпро Славутний», він зушинувся на характеристиці місця поховання Т.Шевченка, на сприйнятті народом його як великого поета. «Біла Канева, – писав дослідник, – на одному з цілого ряду пагорбів, що інколи надзвичайно нагадують дони, поховано Тараса Шевченка. Публіка всіх класів висипала на палубу, деякі з біноклями; розпочалися суперечки, де власне похований Шевченко. Селяни зняли шапки, багато їх хрестилися. Я згадав тоді, що Шевченко шанується народом, який створив легенду, що завдяки йому звільнений від кріпосної залежності; його багато віршів перейшли в народ. На могилі немає ніякого пам'ятника, старий дерев'яний хрест розвалився, а новий поставити російський уряд не дозволив».

Автор описував «південний край» як малозаселений у минулому, козацький, де Дніпром снували чайки, а на Запоріжжя втікали «принижені, забиті або розбійники». Де серед люду були всі рівними. Де погано жилося більшості тутешніх мешканців. І де «корінне населення ще досі зберегло пам'ять про запорожців, залишилися цілими ще їхні церкви з особливою архітектурою». Новомосковськ – Самара (старовинна назва, від р. Самари) був певний час

місцем Січі запорожців у XVIII ст. Пізніше ці терени спорожніли. «Наприкінці XVIII ст., незабаром після знищення Запорізької Січі, майже вся площа Новомосковського повіту виявилась у володінні чотирьох осіб – Кота, Рябого, Дикого Попа й Ковпака, кожен з яких мав десятки тисяч десятин. Населення було дуже слабким, дешевизна землі – надзвичайна». В.Вернадський розповідав, як заселялися ці терени, збільшувалася кількість населення, як багато було переселенців із Полтавщини, якою щедрою була тутешня земля, які чималі врожаї вона давала.

Українців молодий В.Вернадський характеризував як людей «мало говірливих», називав їх поширеним у XIX ст. в Російській імперії словом «хохли». Послугувався він також і терміном «малороси», не вкладаючи в нього негативного змісту, а відтворюючи лише особність, відмінність від «великоросів». На той час імперська Росія вже утвердилася у суспільній свідомості як нова Вітчизна всіх царських підданих, а Малоросія з центрального, основного місця руської історії зведена до просто місця народження місцевого населення.

Цікава розповідь про курінного отамана запорожців, полкового й військового писаря Антона Андрійовича Головатого (1744–1797 рр.), пізніше кошового отамана Чорноморського козацького війська. Його хутір свого часу був розташований на землях Новомосковщини. А.Головатого, за словами В.Вернадського, прозвали так через його велику голову. Він був «важливою особою на Запоріжжі... Це нібито був якийсь важливий, дуже освічений прибулець із Західної Європи, котрий утік і переховувався на Запоріжжі. Коли він був на прийомі Катерини II на початку її царювання у числі запорозьких провідників, то вразив нібито всіх, хто обідав у палаці, своїм знанням мов, яких він знав близько 20, абсолютно вільно ними спілкуючись. Коли Січ загинула, він пішов із цих місць, але попередньо заховав свої незлічені багатства в річку Кільчень, відвівши для цього на певний час її русло; він поклав нібито закляття на захований скарб, убив робітників, які працювали на відведенні Кільчени та зник. У скарб Головатого вірять; розповідають, що дійсно на цьому місці в річці є щось тверде – камінь або цегляна будова. Розпочати відкриття скарбу власник цих місць, старий поміщик, боїться, оскільки існує повір'я, що хто відкриє скарб, той помре того ж року».

Спостерігаючи за життям людей і розвитком краю, В.Вернадський передбачав, як швидко зміниться його обличчя. Ще 20–30 років тому, писав він, тут було мало поселень і весь степ ділився на ділянки, які так і називалися – «степом». Був «степ» поміщика Тимковського, «степ» Магденок, «степ» Кащенко і т. ін. Однак кількість населення у краї швидко збільшувалася, уздовж річок виникла маса нових поселень. «Багатий край із бідним населенням», – так характеризував В.Вернадський Катеринославщину. «Земля, яка досягає аршина й більше чистого чорнозему, давала та дає прекрасні врожаї, якби не маса ворогів, які поїдають запаси тих, хто сів, якби не низький рівень знань, не низький ступінь культури. Земля тут хороша, є ще ніколи, споконвіків не орані місця – цілина». Однак, уважав учений, «унаслідок збільшення населення цілини скоро не залишиться... Поклади кам'яного вугілля й гірничозаводська промисловість займуть своє місце».

Порушені сюжети продовжує датований 10 липня 1885 р. нарис про с. Вільне. На думку дослідника спадщини В.Вернадського І.Мочалова, указана дата – це початок роботи над текстом, і поки незрозуміло, чи був весь він написаний В.Вернадським у липні – серпні під час його перебування на Катеринославщині, а чи робота тривала та була завершена після повернення молодого вченого до Петербурга.

Село Вільне також розташоване в Новомосковському повіті, на березі р. Самари. Належало братові чоловіка сестри В.Вернадського – дворянинові й земському діячеві Новомосковського повіту Андрієві Олександровичу Короленку. Описуючи поселення, В.Вернадський зазначав, що «досі тут дуже багато пам'яті про Запоріжжя, досі ще багато споминів про старовину, про порядки та справи, які були в Росії до 1861 р.». Вільне було живою пам'яткою тієї старовини. Це був український край, підкреслював молодий дослідник, з українським населенням, українськими мовою й культурою, традиціями, звичаями, побутом.

За текстами В.Вернадського можна простежити, як знищувалася українська сутність запорізького козацтва, як козацькі землі після ліквідації Катериною II Січі переходили, передавалися монаршою волею російським сановникам і поміщикам, як вони переселяли сюди зі своїх маєтків у власне Росії цілі села. У Вільному було багато прибульців із Рязанщини, у с. Жданівка – із Курщини. На Херсонщину перевели чимало селян із Белго-

родщини. Але оскільки українців усе ж було значно більше, то росіяни поступово розчинялися в українському середовищі. В.Вернадський називав такі села «охохлившимися».

Автор простежував процес інтеграції російських селян в українське середовище, їх асиміляцію в мовно-побутовому плані. Він фіксував істотну різницю між українцями й росіянами в побуті, мові, звичаях, засвідчував відмінності у традиційному вбранні, те, що мішані шлюби були рідкістю, а дітей від них називали «перевертнями». Російські селяни навчилися від «малоросів» курити тютюн. Вони перейняли культуру обробітку землі, зокрема відмовилися від сохи й почали користуватися плугами, орати волами.

В.Вернадський наводив багато прикладів того, як переселені російські селяни адаптувалися до нових умов, сприймаючи звичаї, мову, культуру місцевого українського населення. Він розповідав не тільки про Вільне, а і про інші переведені в Україну російські села – Жданівку Новомосковського, Сергіївку Павлоградського повітів, Василинське на Херсонщині, Гінцевку та Шмаківку біля Кривого Рогу. «Жданівці переселені з Курської губернії поміщиком Дановим, – писав молодий дослідник, – їх менше, ніж жителів села Вільного, і вони майже вже забули по-російськи (я їх навіть сприймав малоросами за розмовою). Подібне ж російське село, яке майже зовсім охохлячилось, є в Павлоградському повіті (здається, Сергіївка). Дорогою з Харкова я їхав з однією бабцею з Херсонської губернії. Виявилося, що вона потрапила туди з-під Белгорода Курської губернії. Їхній поміщик продав усе село без землі, до 100 дворів, херсонському поміщикові Василинському; вони були поселені у Херсонську губернію й утворили село Василинське, по-іншому Анушкіно (Анушківка). Продаж цей здійснювався у середині 1850-х рр. Переселені у Херсонську губернію напівобрусілі хохли Белгорода зовсім знову охохлилися... Біля Кривого Рогу село Гінцевка складається майже все з російських селян, а у селі Маківці більша частина росіяни, переселені сюди поміщиком. Тут хати – малоросійські мазанки, костюм уже не російський [...], говорять радше малоросійською, ніж російською».

Наведені В.Вернадським факти переконують, що основна маса населення півдня України фактично до кінця XIX ст. була українською, що панівними тут були українська мова й культура. Поширення українофільства, на його думку, викликало те, що в Києві, на Полтавщині, особливо в Миргородському, Кобеляцькому повітах, розмовною мовою навіть віталень і балів була «малоросійська»: «Один давній мій знайомий, небагатий поміщик Олександрійського повіту, говорив мені, що він був здивований у Києві, коли почув баришень і кавалерів, котрі розмовляли по-малоросійському. В інших повітах Полтавської губернії, за словами тамтешнього поміщика, навіть інститутки, які приїжджали з Пітера, виучуються по-малоросійському, оскільки інакше над ними сміються». У Кривому Розі окрім російських купців усі інші міщани «говорять тільки суто по-малоросійськи. Жителі ж сіл російської мови зовсім не знали».

Із нарису постає картина, що росіяни й українці йшли не від єдиного, цілого до розмежування, а навпаки – обставини змушували їх творити щось єдине. Це не був один, це були різні народи, різні культури, різні соціально-психологічні типи, яких силоміць намагалися перетворювати на однорідну зросійщену масу.

За життя В.Вернадського в Росії інтенсивно розвивалася промисловість, тривали урбанізаційні процеси, імперія активно колонізувала Подніпров'я та Південну Україну. Тож мову й культуру українців на питомих українських землях гнобили, забороняли: «У містах серед приміських селян і міщан малоросійська мова витісняється – або у крайньому разі з нею поряд існує – якоюсь мішанкою, в яку ввійшло багато як російських, так і українських слів; нею говорять, між іншим, і росіяни, котрі довго прожили тут, забувають майже свою рідну мову». Це дало підстави В.Вернадському стверджувати, що ця мішана мова ближча до російської та є нічим іншим, як «історичною російською мовою». І це на час його подорожі. Однак він не називав чомусь мову попереднього періоду, коли російська розчинялася в українській, що нею говорило більшість населення, «історичною українською». А з огляду на матеріали, наведені самим В.Вернадським, така версія може бути обґрунтована.

Із нарису постає картина російщення місцевого українського населення, розкривається механізм насадження російської мови шляхом шкільництва, системи управління. Показано вироблення комплексу вищості російської мови та відсталості «мужицької» української.

В.Вернадський дав глибоку характеристику сільськогосподарського виробництва, описав соціальні відносини на селі, стосунки між безземельними селянами й поміщиками. І хоча це було вже пореформене село, у ньому залишалося багато рис із кріпацьких часів. Поміщики нещадно били селян, морили їх голодом, облаштовували гареми або борделі («пригощаючи "дівками" особливо приемних їм гостей»). Усе це вело, зауважував В.Вернадський, до загострення стосунків між селянами й поміщиками, до селянських заворушень.

Цікаві спостереження про стосунки росіян і «малоросів» – представників різних соціальних верств. Молодий дослідник зазначав, що ставлення «малоросійської» інтелігенції і простих людей до росіян було різним. Перша, очевидно, прагнула мати такі самі привілеї, як і «великороси», тому частина її швидко асимілювалася. «Серед зросійщеної малоросійської інтелігенції панує погляд, що це один і той самий народ, – писав В.Вернадський. – Більшість поміщиків, принаймні тутешньої губернії, говорять малоросійською погано, але й російською говорять із сильним малоросійським акцентом і вживають багато слів, незрозумілих для росіянина».

Водночас він звертав увагу й на існування українофільства у середовищі інтелігенції. Зі спостережень В.Вернадського стає очевидним, що зберігачем, охоронцем «малоросійства»-українізму був простолюду, національно консервативний і глибоко відданий віковим традиціям, тому, потрапляючи у широке поле його впливу, росіяни значною мірою асимілювалися.

В.Вернадський зазначав, що для населення цього краю «Росія» – це щось інше, не своє, що «Росія» – це «десь там», що «тут не так, як у Росії». Таке розуміння інакшості Малоросії-України та Росії було властивим як інтелігенції, так і купцям чи селянам. «Різниця між малоросами й росіянами дуже різка», – підсумовував він власні спостереження.

Виразно відображаючи етнічні різниці, В.Вернадський повторював по суті, свідомо чи несвідомо, твердження козацьких літописів та автора «Історії русів» про те, що Великоросія й Малоросія – різні землі, населені різними народами, що мають різне походження. Співзвучними були його слова думці Т.Шевченка про іншість українців (1847 р.): «Москалі мають свою мову і свій народ, українці ж теж мають свою мову і свій народ».

Особливо професійністю відзначені природознавчі аспекти дослідження. Молодий учений висвітлює питання, пов'язані з еволюцією природи, проблемами взаємовідносин природи й людини, а також роллю живих організмів у геологічних процесах.

***

Текст подається за публікацією, підготовленою д-ром філософ. наук І.Мочаловим у 2001 р.¹ У своїй передмові він зазначив, що датовані 1884-м роком нотатки В.Вернадський не завершив, а згодом загубився і їх початок. Те, що залишилося від рукописного оригіналу, зберігається нині в російському архіві². Другий текст, 1885-го року, більшою мірою дослідницько-краєзнавчого плану, присвячений він селу Вільному. Повний обсяг близько 1 друк. арк.³ У своїй публікації І.Мочалов відтворює фрагменти цього тексту, які мають переважно етнографічний та побутовий характер, вилучивши безперечно цікаві, але більш вузькоспеціальні розділи (грунтознавчий, географічний, геологічний, мінералогічний, агрономічний). При републікації збережено внесені І.Мочаловим у текст В.Вернадського деякі пропущені автором, слова (у квадратних дужках).

Нині побутують різні погляди щодо сприйняття В.Вернадським українства. Ця рецепція була складною, суперечливою й мінливою. Републікований текст демонструє цікаві повороти мислення та спостереження природничника в етнокультурній царині, зокрема усвідомлення ним тогочасних етнонаціональних відмінностей між росіянами й українцями у світлі соціокультурних реалій 1880-х рр. Нотатки молодого В.Вернадського – цікаве дослідження природничого, соціологічного, психологічного, історичного, етнологічного характеру. З усіх цих сфер людських знань уважний дослідник віднайде тут чимало корисного матеріалу.

¹ «Богатый край с бедным населением»: Из рукописного наследия раннего В.И.Вернадского // Источник: Документы русской истории. – 2001. – №4(52). – С.37.

² Див.: Архив Российской академии наук. – Ф.518. – Оп.1. – Д.338. – Л.242–248.

³ Там же. – Д.222. – Л.1–8; Д.338. – Л.176–191.

REFERENCES

1. [2001]. Bogatyj kraj s bednym naseleniem: Iz rukopisnogo nasledija rannego V.I.Vernadskogo. *Istochnik: Dokumenty russkoj istorii*, 4, 35–46. [in Russian].

ВІКТОР ДАНИЛЕНКО

доктор історичних наук, професор,
член-кореспондент НАН України,
завідувач відділу історії України другої половини ХХ ст.,
Інститут історії України НАН України
(Київ, Україна), viddil@email.ua

VIKTOR DANYLENKO

Doctor of Historical Sciences (Dr. Hab. in History), Professor,
Corresponding Member of NAS of Ukraine,
Head of Department of History of Ukraine of the Second Half of the 20th Century,
Institute of History of Ukraine NAS of Ukraine
(Kyiv, Ukraine), viddil@email.ua

***

[Историко-краеведческие записки]

На пароходе давка. Целая масса пассажиров, забравшихся с вечера в каюты и на палубу, давно проснулась, давно без толку и с лишней суетливостью бросалась от одной кассы к другой. Публика самая разношерстная; какие-то, вечно прячущиеся, помещики в 1-м классе, евреи во 2-м и масса хохлов, более бедных евреев – в 3-м. Шум и гам стоял невообразимый; больше отправлялись крестьяне вниз по Днепру, на заработки в южные степные губернии. Пришла «страда», рабочая пора, своей земли нет или мало – и они идут вниз. В последние годы много потянулось их на юг, в Екатеринославскую губернию, где так неожиданно, так легендарно открываются руды за рудами, богатства за богатствами. Интерес к горному делу коснулся там всех слоев населения.

Среди наносных, лишенных почти полезных ископаемых остатков, слоев выступают в бассейне Днепра азойские образования, заходят они далеко внутрь Екатеринославской, Херсонской губерний. Здесь в настоящее время, вследствие медленной деятельности, невидимо идущей на Земле, образуется теперь гигантская складка, здесь через многие десятки тысяч лет будут высокие горы, а теперь только чистая, чудная степь. В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в конце 1870-х годов открылись богатые залежи соли, последовали открытия залежей каменного угля, богатых залежей железной руды около Кривого Рога, солей ртути, находимой лишь в очень немногих местах земного шара. Открыты залежи марганцевой руды, свинцовых солей, содержащих серебро, медные [примеси]. Носятся слухи о нахождении солей цинка или других минералов. В самые отдаленные уголки Екатеринославской губернии проникали слухи об этих открытиях, и не раз меня спрашивали в Новомосковском уезде, когда я рыл землю, чтобы ближе ознакомиться со строением чернозема.

Рассказывают легенды, как в Кривом Роге была найдена руда в огороде крестьянина, как, не зная, что там такое, он продал огород нашедшему [руду] и потом не мог уже ничего сделать и с горя повесился. Внимательнее стали присматриваться к земле, но ничего нет. А надо найти, так как и в этих чудных местах она дает недостаточно, чтобы прокормиться теми десятинами, которыми владеет крестьянская семья. (Я дальше еще коснусь развития этого горного дела на юге России, так как оно, вероятно, сильно изменит строй тамошней жизни, еще полной остатков давно минувшей старины).

Днепр пустыннен. Редко, редко около того или другого берега встретится лодка рыбаков, иногда тянется плот, еще реже попадает пароход. Пароходы здесь наперечет. Крутые высокие правые берега покрыты остатками лесов, на них иногда кое-где дюны, а левые, пустынные, песчаные, покрыты кое-где ивняком, да более или [менее] мелкой порослью. Мне в первый раз пришлось увидеть наши реки, в первый раз проплыл я много, видел много верст [их] течения; я ясно увидел эту разницу в правом и левом берегах, и невольно пришло мне на мысль чудное объяснение Бэра. Каждая река в своем течении дает нам указание на вращение Земли и форма их берегов зависит от этого вращения.

Пароход плыл быстро. Палящий зной сменился сильным порывистым ветром. На верхних палубах сидело немного народа, многие из крестьян сошли в ближайших окрестностях. Интересны рассказы, слышанные не раз, про разные мошенничества, делаемые евреями-шинкарями, евреями-торговцами. Их рассказывали громко, не стесняясь присутствием массы евреев, старающихся не слышать их.

В общем разговор не клеился и не раз наступало молчание; летний зной, малоразговорчивость хохлов; только евреи вечно сновали, да дети кружились-вертелись, начинали игры.

Днепр на меня произвел сильное впечатление. Берега некрасивы, они пустынные; но что-то такое манило, тянуло к нему. Особенно хорош он лунною ночью. Пароход шел быстро, я долго стоял на палубе, смотря на волны, образуемые пароходом; мне нравился их шелест, мне был приятен их правильный удар о берега через математически точный промежуток времени после отхода парохода. Все кругом спало, казалось, сама жизнь прекратилась или временно уснула; тихо поднималась Луна, никто не решался беспокоить сна старца-реки, едва вздрагивавшего во сне легкой мелкой зыбью; только один человек заставил его проснуться, он дерзко шел, ничего не боясь, – он, да те ночные животные, мелкие, мало заметные. Он уменьшил их число.

Немного лет тому назад, когда так же тихо катились воды Днепра, думалось мне, другие были здесь люди, другие сцены видел тот же самый Днепр Славутный. Не было тогда пароходов, еще меньше селений было около него, только лодки, чайки от времени до времени перерезывали Днепр; прячась в порослях его низких берегов, бежали вниз, в Запорожье, приниженные, забитые или разбойники. Здесь никому не было дела до того, кто и что он сделал, здесь были все равны, все равно беглецы или от преследования, или от притеснения. И правые, и виноватые были правыми. Тогда видел Днепр не раз кровавые сечи; немало трупов убийств, трупов людской глупости, людской жадности, людских, не ведомых ему, подвигов мужества и самопожертвования нес он вниз на пищу целым стаям мелких и больших хищников. Тогда плохо жилось большинству здешнего населения, да и теперь немногим лучше. Да, много видел, много знал Днепр. Но было время – и его не было, было время – здесь было море, здесь не раз оно подымалось, исчезало и, может быть, снова когда-нибудь явится...

Около Канева на одном [из] целого ряда холмов, иногда чрезвычайно напоминающих дюны, погребен Тарас Шевченко. Публика всех классов высypала на палубу, [некоторые] с биноклями; пошли споры, где собственно похоронен Шевченко. Крестьяне сняли шапки, многие крестились. Я вспомнил тогда, что Шевченко почитается народом, который создал легенду, будто благодаря ему он освобожден от крепостной зависимости; его многие стихотворения перешли в народ. На могиле нет никакого памятника, старый деревянный крест развалился, а нового поставить русское правительство не позволило.

II

Новомосковский уезд Екатеринославской губернии находится на месте старых запорожских владений. Его коренное население еще до сих пор сохранило память о запорожцах, остались целы еще их церкви с особой, говорят, архитектурой.

Новомосковск – Самарь запорожцев была местом их Сечи в XVIII столетии после измены Мазепы. Затем, вернувшись назад при Елизавете, эти места застали запорожцы почти пустыми. Только кое-где приютились хутора у речек, да в том или другом месте среди вольной степи были хаты. По рекам Орели, Кильчени тянулись леса, остатки которых еще и теперь сохранились на Орели; балки заросли кустарником, травы в степи достигали выше человеческого роста. В конце XVIII столетия, вскоре после уничтожения Запорожской Сечи, почти вся площадь Новомосковского уезда оказалась во владении четырех лиц – Кота, Рябого, Дикого Попа и Колпака, владевших каждый десятками тысяч десятин. Население было очень слабое, дешевизна земли – чрезвычайная. Еще теперь сохранились легенды об этом времени.

Рассказывают, что Колпак был должен Коту 1000 рублей ассигнациями и, не имея возможности заплатить их, предложил Коту столько земли, сколько тот объедит в день (или несколько дней, не помню) на лошади; Кот отправился, но езда среди девственной, роскошной растительности была так затруднительна, так часто встречались дикие звери, ютившиеся в этих местах, что Кот вернулся назад, обругав Колпака, отказался от денег и от земли. «Не треба міні ні землі, ні грошей, бо тут такі міста, що хлопці панських містечек не знайдуть», – сказал будто бы он.

Петр Рябый купил несколько тысяч десятин у Дикого Попа за бочку дегтю, несколько пудов гала да котелок медяков.

Самой замечательной личностью был, говорят, здесь Дикий Поп. Это был будто бы настоящий поп, но поп из Запорожья, неведомо кем в попы поставленный, неизвестно где учился и откуда пришел в Сечь. Дикий Поп отличался порывами дикого нрава, перед ним все склонялось в этих местах, он владел несметными богатствами. Это был кудесник, хотя постройку чуть не десятка старых церквей в уезде приписывают ему – это все он строил, по завету за тот или другой свой проступок. Дикий Поп исчез неизвестно как. Говорят, что у одного из помещиков (Алексеева) хранится его портрет, где он представлен действительно в одежде священника.

Раньше Дикого Попа в этих местах, где теперь имение Кащенко, был хутор Головатого, так прозванного за свою громадной величины голову. Головатый был важным лицом в Запорожье и про него также рассказывают здесь разные легенды. Это будто бы был какой-то важный, очень образованный пришелец из Западной Европы, бежавший и укrywшийся в Запорожье. Когда он был [на приеме] у Екатерины II в начале ее царствования в числе запорожских главарей, то поразил будто бы всех, обедавших во дворце, своим знанием языков, которых он знал до 20, совершенно свободно на всех объясняясь. Когда Сечь погибла, он ушел из этих мест, но предварительно скрыл свои несметные богатства в реку Кильчень, отведя для этого на время ее русло; он положил будто бы заклятие на скрытый клад, убил работавших над отведением Кильчени рабочих и исчез. В клад Головатого верят; рассказывают, что действительно на этом месте в реке есть что-то твердое – камень или кирпичная постройка. Приступить к открытию клада владелец этих мест, старик-помещик, боится, так как существует поверье, что кто откроет клад, тот умрет в тот же год.

Еще лет 20–30 назад здесь было мало селений и вся степь делилась на участки, называемые здесь степью; так, есть степь [помещика] Тимковского, степь Магденок,

степь Кащенко и т. д. Теперь масса сел ютится около рек; реки, как, например, Чаплынка, на протяжении многих верст запружены в отдельные пруды – ставки, целый ряд гребней разделяет течение реки, где растет очереть, необходимая в хозяйстве, где вода иногда горьковато-соленая, водится прудовая рыба, как карп, прудовые моллюски, иногда тысячами выносимые на сушу после сильных южных ливней.

Население за последние годы увеличилось и все увеличивается; здесь есть и переселенцы из Полтавской губернии, так как в недавнее время начались попытки устроить здесь род фермерства.

Богатый край с бедным населением. Земля, достигающая до аршина и более чистого чернозема, давала и дает прекрасные урожаи, если бы не масса врагов, поедающих запасы прежде посеявших, если бы не низкая степень знания, не низкая степень культуры. Земля здесь хороша, есть еще никогда, с испокон веков непаханные места – целина, покрытая тонконогом да ковылем, или молочаями в местах, где пасется скот. Такие целины находятся только на помещичьих землях; у крестьян все запахано и они всюду здесь снимают обществами или поодиночке земли помещиков. Вследствие увеличения населения целины скоро не останется. Еще несколько лет – и эти земли будут запаханы. Вообще очень скоро изменится здесь характер хозяйства: навоз, который теперь в виде кирпичей идет на отопление, пойдет на удобрение, залежи каменного угля и горнозаводская промышленность займут свое место. Так, поговаривают об устройстве содовых заводов в Бахмутском уезде, так как без обработки на месте каменной соли она не имеет достаточно сбыта для еды как приправа.

Хозяйство здесь на самом низком уровне. Сеют пшеницу, ячмень, овес, рожь, сеют маслянистые растения: лен для семени, горчицу, сурепицу. Земля родит хорошо, исключая льна. Лен, как известно, сильно истощает почву и потому его сеют на целине после двух-трехлетней обработки ее под пшеницу или другое хлебное растение. Большой доход, который дают маслянистые растения, заставляет крупных землевладельцев браться за эти посевы; некоторые начинают в меньшем количестве сеять пшеницу, недавно еще царившую в этих местах безусловно. Конкуренция с Америкой и Австралией, размножение целого ряда животных заставляют уменьшать эти запашки. Борьба ведется здесь с этими животными рьяная. Главными врагами здесь являются: суслик и кузьяка. Кроме них есть целый ряд менее страшных – хомяк, гессенская муха, неведомые моли, поедающие горчицу, и т. д. На каждое растение есть свой враг, свой любитель, особенно поражающий потому, что на него раньше никто не обращал внимания, и он является как *dues ex machina*. Мне в первый раз пришлось видеть эту борьбу, и она составляет *question du jour* этих мест; это один из самых важных здесь вопросов – такой, от решения которого зависит благосостояние миллионов семей.

Овражки [суслики] появились здесь давно, если только не здешние аборигены. Это маленький хорошенький зверек, очень похожий на морскую свинку, немного ее длиннее. Живут целыми колониями, целыми племенами, вырывают громадные норки, достигающие до сажени иногда глубиной и одним этим рытьем уже приносящие большой вред. Они портят чернозем, перемешивают его с подпочвой – лессом, и состав, свойства нашего чернозема изменяются вследствие их деятельности. Нет ни одного разреза чернозема, где бы он представлялся нам равномерно черным,

среди него торчат куски лесса, заполняющие отверстия ходов овражков; иногда чернозем коричневатый; очень часто в тех местах, где много этих норок, он на поверхности глинисто-белый и не имеет даже своего обычного habitus'a.

***

10 июля 1885

Вольное

Поездка к Андрею Короленко дала мне многое. Вольное расположено на берегу р. Самары. Еще до сих пор здесь очень много памяти о Запорожье, еще до сих пор много преданий о старине, о порядках и делах, бывших в России до 1861 года. Само село Вольное есть живой памятник этой старины.

После разорения Сечи 40 000 десятин земли по Самаре до самого Павлограда получил в дар один из генералов Екатерины II – Фалеев; часть имения после перешла к его зятю Родзянке, затем перешла к генералу Калиновскому и, наконец, к Андрею Короленко и крестьянам. Родзянко выселил сюда из своего имения в Рязанской губернии крестьян и таким образом попала среди малороссов целая деревня русских крестьян. Еще до сих пор сохранили они свой говор, свои обычаи, свой костюм. Мужчины уже все говорят и по-русски, и по-малороссийски, женщины же иные по-малороссийски не говорят. Русский язык мужиков довольно чист, но встречаются нередко чисто малороссийские слова: так вместо «нет» – «нема», «небо покрылось тучами» – «захмарило» и т. п. Самый акцент иных слов не русский. Дело в том, что в Вольном, одном из самых древних поселков Новомосковского уезда, живут как русские, так и малороссы; живут они отдельно в разных концах деревни и стали друг с другом чаще смешиваться; хотя браки между хохлушкой и русским или обратно и до сих пор не часты.

Встретился мне один такой крестьянин – Роман; одетый в свитку, шаровары, рубаху с вышитым воротом, в мерлушковой шапке. По словам ехавшего со мной крестьянина села Вольного (русского) – это хохол или, как он выразился, вернее, «переверть» – его мать хохлушка, отец русский, а дед даже старOVER. Дело в том, что сюда были переселены старOVERы, но теперь уже все перешли в православие, хотя благочестием не отличаются: очень многие ходят в церковь только исповедаться да приобщаться, и русские иной раз подсмеиваются над хохлами: вот, – говорят они, – зовут хохлы своего попа батюшкой: «батюшка да батюшка», а по-нашему какой он батюшка, – просто поп. Все уже теперь курят табак, что переняли от малороссов. У всех теперь плуга, пахут волами; последние сохи вывелись всего-навсего лет 10. Я не мог никак добиться, какой у них способ владения землей; ни более интеллигентные лица здесь, которых я расспрашивал, ни крестьяне не понимают способа общинного владения землей; и малороссы и русские села Вольного составляют одно общество; землю переделывают через лет 6, иначе, по словам моего возницы, это было бы несправедливо. По-видимому, здесь общинное владение землей, но слова «община» крестьяне ни русские, ни хохлы здесь не понимают, его у них нет.

Костюм [русских] женщин резко отличается от костюма хохлушек. На голове они носят особый головной убор, высокий, двурогий; носят его только бабы;

однако у иных вместо него род кокошника в блестяках; у баб существует какая-то правильность в ношении того или другого головного убора, так что последний убор носят, кажется, вдовы. Их остальной костюм также чрезвычайно оригинален. Переселенные сюда из Рязанской губернии в начале этого, или, кажется даже, в конце прошлого столетия, у них сохранился тот костюм, какой носили в Рязанской губернии; тогда и здесь, окруженные чуждым им населением, они сохранили его вполне чистым.

Хаты великороссы строят те же мазанки, что и малороссы (хотя кругом Вольного – леса); только их мазанки более грязные. По словам солдат, хотя у «русских» хаты грязнее, зато едят они лучше, чем хохлы.

Уже не раз в моих немногочисленных поездках приходится мне наталкиваться на значение крепостного права для этнографического распределения народностей на матушке, на Руси. Так, [и] деревня Сапино в Макарьевском уезде Нижегородской губернии из потомков белорусов, так и село Вольное, так и Ждановка, другой русский поселок в Новомосковском уезде. Ждановцы переселены из Курской губернии помещиком Ждановым; их меньше, чем жителей села Вольного, и они почти уже забыли по-русски. Подобное же русское село, почти совсем охолодившееся, есть в Павлоградском уезде (кажется, Сергеевка).

По дороге из Харькова я ехал с одной бабой из Херсонской губернии. Оказалось, что она попала туда из-под Белгорода Курской губернии. Их помещик продал всю деревню без земли, до 100 дворов, херсонскому помещику Василинскому; они были поселены в Херсонской губернии и образовали село Василинское, иначе Аннушкино (Аннушковка). Продажа эта совершилась в середине 1850-х годов. Переселенные в Херсонскую губернию полуобрусевшие хохлы Белгорода, совсем опять охолодились. Значение этих переселений понятно, и мне кажется очень и очень интересным и важным собирание подобных фактов, встречающихся, по-видимому, чуть не на каждом шагу. Они совершались и после запрещения продавать крестьян без земли, как случай с Василинским; тут только много лет спустя узнали крестьяне, что купля совершена незаконно.

В этом году мне впервые пришлось столкнуться ближе с некоторыми фактами об отношениях русских к малороссам. Среди обрусевшей малороссийской интеллигенции господствует взгляд на то, что это один и тот же народ; большинство помещиков, по крайней мере здешней губернии, говорит по-малороссийски плохо, но и по-русски говорит с сильным малороссийским акцентом и употребляет многие слова, непонятные для русского. С другой стороны, все больше и больше распространяющееся украинофильство вызывает то, что в Киеве, в Полтавской губернии (особенно [в] уездах Миргородском и Кобелякском) разговорным языком даже гостиных и балов становится язык малороссийский. Один старый мой знакомый, небогатый помещик Александровского уезда, говорил мне, что он был удивлен в Киеве, когда услышал барышень и кавалеров, разговаривающих по-малороссийски. В иных уездах Полтавской губернии, по словам тамошнего помещика, даже приезжающие из Питера институтки выучиваются по-малороссийски, так как иначе над ними смеются etc.

С другой стороны, бесспорно, что в городах среди пригородных крестьян и мещан малороссийский язык вытесняется – или по крайней мере с ним наряду существует – каким-то смешанным языком, в который вошло много как русских,

так и малороссийских слов; им говорят, впрочем, и русские, долго прожившие здесь, забывая почти свой родной язык. Язык этот гораздо ближе к русскому и есть ни что иное, как исторический русский язык. Разговаривая с панами, эти крестьяне и мещане непременно стараются говорить по-русски; иногда в пылу разговора, забывшись, [собеседник] произнесет малороссийскую фразу, но сейчас же ее переводит; однако тут же друг с другом или с одетым в крестьянский костюм заговорит по-малороссийски.

Жители деревень, однако, по-русски совсем не знают. Постоянные столкновения с русскими должны были показать, что есть какое-то различие между теми и другими. Но различие это, по-видимому, очень смутно. Мне пришлось разговаривать об этом с многими. Вот крестьянин (чиншевик) Волынской губернии, возвращающийся после 22-летней ссылки за участие в восстании 1863 года; он считает малороссов совсем особым народом от русских и поляков, и Украину считает совсем отдельной страной. Вот баба из Херсонской губернии, которая говорит, что она не русская, но и не малороссиянка – она хохлушка; а жителей Черниговского уезда, где ей случилось быть, она называет малороссами; память о казаках она также не сохранила и считает казаков Черниговской губернии – приписанными к Донскому казачьему войску и что при большой войне они должны идти [воевать]; исторических преданий у нее тоже не было: так, она нашла какой-то памятник Мазепе (sic) в Полтаве, расспрашивала меня, как это он в мужицком, нашем костюме, так как раз ему памятник – он был должно быть какой-нибудь князь. Однако в случае, как в Вольном, разница между малороссами и русскими очень резка.

[...] В [окрестных] лесах много памяти о Запорожье. До тех пор, как ушли запорожцы, рассказывал мне мой возница, – русский из Вольного, пока их не прогнала из этих мест Екатерина, они здесь имели много шаяк. Главный их притон был на земле Елецкого [уезда], там был их городок; до сих пор сохранились там следы его и даже [уцелел] подземный вход в погреб, очень глубокий; несколько человек лазило туда, да побоялось дальше лезть, и что там такое – не знают.

Озера называют в память атаманов; так, есть Ризаковское озеро, в память атамана Ризака; есть озеро Лиман; запорожских хуторов в лесу было много; в реке много их кладов. Мне кажется, что тут спутались предания о запорожцах и о ватажках гайдамаков, которые действительно прятались в этих лесах.

[...] Я хочу проехать по Самаре возможно больше и вообще у А.А. [Короленко] мне даются такие условия, каких я не смогу найти нигде ни в каком другом месте – а местность, бесспорно, крайне интересная.

[...] Вопрос о неурожае составляет question du jour в Екатеринославской губернии. Очень интересны и важны сведения, какие можно собрать на месте. Особенно плохо пришлось уездам Александровскому, Верхнеднепровскому, Екатеринославскому и т. п. Если не поможет земство и правительство, будет голод; в Александровском уезде в иных местах продают скот; [делается это] так, что, беря на прокормление на зиму две коровы, весной оставляешь одну себе, а другую только возвращаешь хозяину; по словам помещика Кириллова, занимающегося овцеводством, он часть (лучшую) из своих овец перегоняет в другое имение свое в Полтавской губернии, а другую продает, хотя цены страшно упали – нечем кормить. И другие помещики гонят скот в губернии Таврическую, Полтавскую, где травы хоть несколько лучше.

Положение крестьян этих мест ужасное. По-видимому, неурожаем захватил огромный участок земли, так как имеются сведения о плохом урожае (засухе) из губерний Херсонской, Харьковской, Саратовской, Тамбовской и т. п. Жалуются и комиссионеры по оптовой продаже хлеба и шерсти – упала торговля и т. п. Рабочие руки стоят чрезвычайно низко; пришедшие сюда на работу издалека, прохарчившись, идут на работу за 25 коп. в день, идут иногда только из-за того, чтобы их кормили; хотя, по-видимому, это известие не проникло в массу, так как иногда к помещикам рабочие отказываются идти на работу менее, как за 2 рубля, «бо так було торік».

В общем отношения помещиков к рабочим крайне плохи. Обе стороны ненавидят друг друга до того, что я собственными ушами слышал следующее пожелание моего родственника и здешнего помещика, человека еще молодого (С.): «На них бы, скотов, нужен голод, еще теперь мало, а вот будет хороший голод, тогда пойдут на работу дешево. Вот тогда можно работать». На мое невольное вырвавшееся возражение, что подобное пожелание из-за своих личных выгод бедствия сотням есть крайний цинизм и мерзость, он обозвал меня «красным» и т. п. В урожайные годы, например года 3 [тому назад], бывает так: придут рабочие наниматься, найдут помещики, надо им 1000 человек, а есть 300; те не хотят меньше 3 руб., помещик не соглашается; рабочие играют в карты и т. п.; наконец, он соглашается на 3 руб., так как хлеб осыпается, пропадает, но очень часто и тогда рабочие, покуда у них хватает провизии, не идут на работу. «Підпереду кінчемо у карты, тогда поїдемо». И, несмотря на все беснования помещика, [на работу] не идут.

Несмотря на то, что многим помещикам крайне плохо придется вследствие этого неурожая, им все-таки не придется так плохо, как крестьянам: голод им не угрожает. И, несмотря на это, могут раздаваться голоса, подобные вышеприведенному! Они не составляют общего тона – правда, нет! Но они не единичны! И очень вероятно, многие из молчащих или сожалеющих о пейзажах, так же в душе думают, подобно вышеприведенному отзыву. Очень обычно мнение, и оно господствует, что помещикам придется хуже, так как у них потребности шире крестьянских, и я слышал, как такой отзыв сразу прекратил всякие рассуждения о бедствии, угрожающем массе населения, он показался крайне веским. И все с ним согласились. Какие тут рассуждения о потребностях, этом коньке, за который хватаются теперь все, желающие продолжать жить, как жили, и закрыть глаза на причины и цену подобного житья, когда, с одной стороны, голод, а с другой – откладывание поездки в Петербург, покупки нового платья и т. п. Хороши сравнения!

Раздаются, однако, и другие голоса: голод будет у крестьян – начнутся разбои, поджоги и снова подымется аграрное движение, нагнавшее такого страха года два тому назад и до сих пор вполне не утихшее. Надо озаботиться принять меры против голода. Здесь также соображения чисто эгоистические, но все-таки они несравненно лучше первых. И они имеют много шансов вероятия. Небольшие волнения были в Котовке еще осенью 1884 года, поджоги – явление далеко не редкое. Наконец, есть и голоса более гуманные – лиц, на которых здесь косо посматривают, как на красных... Представление о «красном» здесь удивительно странное. Единственная мерка – это своя личная материальная выгода.

Сильно развито, например, здесь битье помещиками крестьян. Бьют не только дворян, но и крестьян из деревень. И всякий, кто не следует этому правилу,

всякий, хто решиться громко висказувати своє негодування проти подобної мери, єсть красний, єсть доктринер, ідеаліст, утопіст... Я ніколи не верив в можливість подібних фактів, якщо б мені не пришлось убедитися в цьому і наслышатся стільки, що іногда така-то грусть, злоба душили мене, не давали мені довге время покою. Я удивлялся, как это безнаказанно сходит с рук. Чтобы не быть голословным, приведу несколько фактов.

Повар-старик отходит от места по болезни, помещик (С.А. [Короленко]) призывает его к себе в контору и при расчете вырывает у него часть бороды и кровянит лицо. С этим помещиком в прошлом году случился, однако, казус, к сожалению, его не образумивший. Он хотел побить одного из своих дворовых, тот выхватил нож и бегал за помещиком, ища его по саду и крича: «Я ж тебе вбью, я тебе вбью!». Несмотря на это, этот человек служит у него до сих пор, тот только его не бьет. Помещики бьют подчиненных, а старосты, прикащики лупят своих, и идет здесь битье, едва ли далеко ушедшее от времен, казалось, канувших в Лету. Не только бьют кулаками, но, бывает, секут прикащики подростков. Управляющий одного помещика говорит прислуживающей дивчине, провинившейся в чем-то: «А так-то: пойдем только на степь, – здорово выпорем». Бедная, боялась этого как огня, так как вечером она должна была идти на работу в степь. Другие помещики устраивают у себя род гаремов или публичных домов, и угощают «девками» особенно приятных им гостей...

Комментарии излишни. Факты эти, в которых мне пришлось убедиться, должны сделаться достоянием истории и они много объясняют в тех волнениях, какие теперь не улеглись здесь, и в том, что неминуемо произойдет здесь. Я, помню, не верил, когда читал в «Громаді» за 1878 год описание подобного рода фактов и считал их партийными средствами борьбы. Теперь убедился...

Приток рабочих сюда должен сократиться. Неурожаи, падение цен на хлеб – а теперь новая, обыкновенно тяжело ложащаяся на рабочий класс, вещь – введение машин, которые вводятся отчасти от того, как говорят сами помещики, чтобы быть в меньшей зависимости от рабочих.

[...] Новомосковский уезд, который я перерезал по разным направлениям от Орели [– притока Днепра –] до Самары и до Днепра, поражает своим однообразием: все та же степь, крайне печального вида в этом году, те же балки, те же полузаросшие очеретом, иногда до 2–3 сажень высотой – речонки да ставки, нет хороших обнажений, и кроме лесса да чернозема никакой не видишь породы.

Однообразна и тот же вид носит и южная часть Полтавской губернии, уезд Константиноградский, который я прорезал от Нехворощи до Малой Перещепиной; совсем тот же вид [имеет] и Кобелякский, насколько он виден с железной дороги.

[...] По дороге между Полтавой и Кременчугом очень большая площадь земли занята солонцами, покрывающими землю белым налетом, точно снегом. Здесь недалеко протекает р. Псел, куда ездят купаться в грязи солонцеватой, обладающей какими-то целебными свойствами. Ничего устроенного здесь нет, [приезжающие] помещаются в хатах, у местных помещиков; приезжают из Кременчуга, Киева, Полтавы и т. п. Это купание началось лет 18 назад, но энергичного предпринимателя до сих пор не нашлось; удобств большим никаких. Целебная грязь и вода в Пселе встречаются далеко не всегда, а местами.

[...] В Херсонском уезде степь еще более печальна, так как здесь пришлось еще хуже; хлебов почти нет, сена [нет] также, и степь эта чрезвычайно уныла; торчат сухие низкие травы, грустно чернеет черная как смоль земля...

Удивительна картина степи, такой обнаженной, какова она теперь, лунной ночью; отблески от Луны самые разнообразные; вон белеет полоска, точно снегом покрытая, или это отблеск воды, но на деле это отражение лунного света от низких стебельков полегшего хлеба; одно и то же поле имеет совсем иной цвет, если смотреть на него с разных сторон, точно лучи света, на него падающие, поляризованы, что, конечно, и есть на самом деле.

Кстати, об отражении. Никогда раньше не случалось мне заметить то совсем особое отражение, какое дает в колеблющейся воде Млечный путь. Теперь, сидя ночью на пароходе на Днепре, в Кременчуге, в тихий день безлунный, я впервые видел это. Это какой-то совсем особый отблеск, точно мерцание фосфоричного, слабо опалесцирующего тела, притом какой-то неправильной полосой расплывающейся в стороны, скользящей по водной поверхности; там, где была вершина валика зыби, она там исчезала совершенно, и когда проходила через это место вершина волны, он вновь появлялся с тем же своим блеском, туманным, неясным; точно тонкая пленка беловатого дыма волною двигалась по воде, упорно следуя одному и тому же, раз выбранному пути.

[...] Изгибы отложений, сами по себе интересные, представляли для меня непреодолимое затруднение; они сильно путали меня, и я перед ними оказался в положении лисицы, видящей виноград, да не знающей, как достать его. Дело в том, что перенести их на бумагу я не мог, так как рисовать не умею, фотографического прибора со мной также не было. С другой стороны, я не знаком со способами изменения таких складок, не знаком с механизмом их образования.

[...] Отчего происходят все эти складки, что была за причина, их образовавшая? Теперь я не могу никак решить этот вопрос, но, без сомнения, этот вопрос может быть решен. Я теперь не в состоянии даже высказывать какие бы то ни было предположения, так как это будет парением в небесах, до такой степени малы мои фактические познания по этому коренному вопросу планетной жизни. Я прихожу к убеждению о необходимости мне точно ознакомиться с этим вопросом хотя бы по работам Гейма и Пфаффа, известным мне по изложению. С ними я смогу вполне справиться только по ознакомлении с механикой, и таким образом все меня приводит к необходимости изучения механики и высшей математики. Если бы по складкам удалось определить направление и силу давлений, здесь происходивших, это, может быть, было бы достаточно для приблизительного определения их последовательности, времени происхождения этих давлений, их причины. Сбирать подобные данные на всей поверхности земной площади крайне важно для познания структуры Земли, для связывания теллурических явлений с общекосмическими, так как именно подобные пертурбационные явления мы имеем, по-видимому, возможность наблюдать в выступах водорода, кальция etc. на Солнце, в полосах, замеченных Скиапарелли на Марсе и т. п.

[...] Происхождение минерала можно большей частью изучать по тем или другим его свойствам – микроскопическому ли строению или по физическим [свойствам], по наружной форме. Разными способами можно получить одно и то же вещество, но не всегда оно бывает идентично с полученным другими способами,

идентично по своей морфологической форме. На это указывает, между прочим, различие формы одного и того же вещества, получается ли оно сублимацией или из раствора, различие формы минералов разных месторождений, наконец, недавние наблюдения над различием формы органических соединений, – все указывает на влияние внешних различных условий на различия формы...

Обыкновенно упускаемое из виду такое оставление следов реакции в форме полученного вещества может в будущем послужить для выяснения химических процессов жизни, процессов жизни Земли и планетных миров, равно как жизни организмов. Теперь синтезом получено много природных веществ, но мы не можем решить, тот ли способ получения этих веществ был в природе, какой мы употребили. Для этого надо лишь еще более уточнить наши методы исследования и очень может быть, [что] такой способ даст исследование в поляризованном актиническом и тепловом поле и т. п. Мне кажется, что этот коренной вопрос общей морфологии материи может быть решен, а с ним вместе дается и для познания нашей Земли новое могучее средство.

[...] Вообще здешняя страна много может дать для изучения динамической геологии. Не менее важны и те химические процессы, какие нам здесь видны на каждом шагу.

Abstract. Research aim – to analyze in the context of knowledges about Ukraine historical and local lore notes of V.Vernadskyi, first published by I.Mochalov in 2001, to pay reader's attention on a peculiarities of the ethno genesis of the Ukrainian people revealed by the young researcher, transformation of social, cultural and ethno-national relations between Ukrainian and Russian people in the South of Ukraine at the 18–19 centuries. **The research methodology** is based on the means of historical comparative studies, relies on the principles of historicism, systematization, scientificity. **The scientific novelty** consists of a new confirmation V.Vernadskyi's constant interest to the history of Ukraine, Ukrainian people, it's language and culture, aspiration to systematically and objectively reproduce deep historical processes. **Conclusions.** On the example of Novomoskovsk district V.Vernadskyi describes a wide panorama of Ukrainian people's life, analyzes in details the processes that took place among different groups of the population and their ethno social, psychological, social, ethnographic features. He considers in details the process of "familiarization" of Ukrainian lands by Russian landowners and the active "okhokhliuvannia" of displace Russian peasants in the Ukrainian ethnic environment. Analyzes the scientist and the reverse, more powerful and ever-growing process – the Russification of the Ukrainian population, it's social tools, sources, methods. The notes of V.Vernadskyi's contains valuable materials for naturalists, ethnographers and ethnologists, social psychologists, sociologists.

Keywords: Vernadskyi, historical and local history notes, South of Ukraine, Cossack region, Ukrainians, Russians, assimilation.